

Николай Иванович Коновской родился в 1955 году в селе Варваровка Белгородской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Печатался в журналах «Москва», «Молодая гвардия», «Наш современник». Автор книг «Равнина», «Твердь», «Зрак», «Врата вечности», «Тростник». Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Николай Коновской

РАНЕНАЯ ПТИЦА

СОЗЕРЦАНИЕ

От посланного дара обмирать:
 Душа жива, чего еще желать! —
 Прошла гроза и засияло солнце,
 И воздух свеж и первозданно чист,
 И самый малый на березе лист —
 Легчайший изумруд — не шелохнется.

Рыбачкий челн относит по реке
 Течением, и сочно вдалеке
 Холодным серебром искрятся пожни.
 Лишь жаворонка замолчит струна —
 Обрушится на землю тишина,
 Такая тишина — оглохнуть можно.

Не я, не ты, а словно некий мир
 Таинственный, застыв, соединил
 Свое потустороннее дыханье
 С дыханьем трав и царственных деревьев.
 ...Как будто что божественное здесь
 Рождается в тиши из созерцанья.

ЯБЛОКИ ПАДАЮТ

Больше холодного, меньше горячего света...
 Девочка милая, это кончается лето.

В руку Владычную —

словно созревшие души —
 Яблоки падают, персики падают, груши...

Поутру выйдешь ты в сад в своем платье белом —
Ветер, завидя, прильнет к шелковистому телу.

Чудится, грезится в трепете тайных мгновений
Нега воздушная сладостных прикосновений.

Мир плодоносящий, скоро пора увяданья!..
Мучится сердце твое, ожидая признанья.

Держат в плену своем благословенные кущи —
Солнцем налитые — яблоки, персики, груши!..

Угол отыщется... Сядем, безмолвные, рядом
И задохнемся горчащим хмельным ароматом!

ЛЕТО

Как светозарный кристалл
День над равниною встал.

Тихая — издалека
Сталью сверкает река.
В сомкнутых кронах сады
Прячут золотые плоды.
В травах цикады куют,
Райские птицы поют:

Вольный вдохнувши простор,
Грянул невидимый хор.

Медленно, как облака,
Душу объемлют века.
Грозный и вневременной,
В небе властитель степной
Черною точкой дрожит.

Жить бы с тобою да жить...

СТАНЦИЯ ЛИСКИ, СТАНЦИЯ РОССОШЬ...

Столичной неважною птицею в сторону юга
Порой проезжаешь:
Вот сзади остался Воронеж;
Вот станцию Лиски
В скопление товарных составов
Проследовал поезд;
Уж Дон с величавым теченьем
Остался под нами;

Вот справа уже Дивногорье
Застыло, незримое, где-то с его меловыми,
Трудами ветров изваянными, «дивами»;
Кельи,
Руками монахов в горах иссеченные;
Лики
Икон богородичных чтимых,
Особо — «Расстрельной»,
Слезами кровавыми плачущей,
И «Сицилийской»,
Помощницы скорой в напастях, скорбях и болезнях.
Хоть не был давно там, и все же как благословенье
Тот ответ святыни беру я в дорогу с собой...

Вот так и смотрел бы, смотрел бы всю жизнь неотрывно
На эти поля, рассеченные рвами; низины,
Заросшие вербой; на дальний полет ястребиный;
Вершины холмов, где живое все выжжено солнцем...

Поклон мой тебе, долгожданная станция Россось,
Что в детстве далеко казалась тогда из села,
Лежащего в часе каком-то езды от тебя,
Огромного мира, всей русской земли средоточьем;
А ныне, напротив, души и судьбы средоточьем,
И русского мира: я старое вижу село,
От станции Россось лежащее в часе езды,
Куда возвращает больная немолчная память,
Где близких могилы,
Где все разметала беда,
Где воздух дрожащий пропах чабрецом и полынью,
А если б случилось вдруг как-нибудь встретиться с той,
Что летнего утра свежее была и прекрасней, —
Скорее всего, не узнали б мы с нею друг друга...

Там воды неслышные Черной моей Калитвы
Видением сонным, мелея, уносятся в Лету...

...Куда возвращает больная немолчная память,
И раненой птицей в своем безрассудном старенье
Отчаянно бьется в закрытые двери былого...

И близок-то локоть — подметили мудрые люди, —
А как ни старайся — его все равно не укусишь.

ВНОВЬ ПОСЕТИЛ

...Вновь посетил
Я родину, как край изгнанья — тот,
С чьим правнуком в немислимые дни
Мне довелось приятельствовать... Что ж,
Невесело свиданье, да и как
Веселью предаваться в век, когда

Живую плоть и кровь страны отцов
Изрезали границы, как овраги
Край этот; и бездонней, и черней
Провалы эти, и который год
Себе в них ветер не находит места. Я
Как ощупью при ярком свете дня
Здесь прохожу: все то же, да не то —
Холмы, курганы, выжженная степь,
Где в потаенном сумраке лощин
Я пас скотину в детстве давнем, но
Родился, да не пригодился; там
Вдали, внизу, глубоко, за селом,
Иль слободой, как ранее писали,
Должны быть воды Черной Калитвы:
Они текут еще, текут, но жизнь
Из них как из живой души уходит...

В воспоминаньях, явственней, чем в яви,
В железном, душном мраке городов
Предстанет это: незакатный день,
И дальний, долгий колокола звон
На колокольне в честь святой Варвары
Великомученицы, суржик земляков,
И слезы бедной матери, и там,
На взгорье каменистом, где почил
Отец, —
Прадедовский, заросший
Погост,
Где, наскитавшись вволю,
Я, может, лягу...

ТАМ

Вечности льется вода...
Время наступит, когда
Не возвратиться назад;
И отрешенно свой взгляд
Переведем — я и ты —
С жуткой своей высоты
На истомленную в зной
Тверди палимой земной
Многострадальную пядь,
Горькую, как благодать...

Там беспокоен и сух
Нам услаждающий слух,
Высью пронзающий взор,
Кронами ропщущий бор...
Там доживает с трудом
Нами оставленный дом.
Там — как с бессмертием связь,
Всюду трава разрослась,

Но из бывшего руин
Льет благовонье жасмин,
Стелется вишен пурга,
Тянется в небо ирга,
Дождь посылает дары
На золотые шары.

Счастье там, мука и свет...
Только с тобою нас нет.

РОМАНС

Божественных звуков роящихся раб,
Лишь диск в комнатеночке тесной
Своей я поставлю — послышится храп
Коней, уносящихся в бездну.

В светящемся мраке задувши свечу,
Предсмертную чуя победу,
Закрывши глаза, обмирая, лечу
По долгому санному следу.

Лишь ветер, лишь громы промерзшей реки,
Дыханье, признанье, рыданье.
Лишь стиснутой насмерть горячей руки,
Несчастной ее, — трепетанье...

С горячей, безумною язвой в душе,
Мертвец, опадая все выше,
Ни ангелов грозных не слышу уже.
Ни божьего света не вижу...